

УДК: 296.3.01(476.7)+930.271(476.7)

ЕВРЕЙСКИЕ КЛАДБИЩА, КАК ПАМЯТНИКИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АШКЕНАЗОВ (ЕВРЕЕВ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ), НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Кирилл Гавриленко
Брест, Беларусь

Темой данной работы является история еврейских кладбищ на территории Брестской области. Еврейские кладбища, наряду с синагогами, еврейской застройкой городов и местечек региона являются частью архитектурного наследия евреев Беларуси. Надо признать, что на сегодняшний день тема развития еврейских кладбищ Беларуси мало исследована и требует дальнейшего комплексного изучения. Хронологическими рамками данной работы является промежуток времени от появления евреев на этой территории и до начала Великой Отечественной войны, которая знаменовала собой уничтожение традиционной еврейской погребальной культуры на этих землях.

Ключевые слова: погребальная культура евреев, еврейские кладбища, мацева, надгробное изображение, эпитафия.

Начало еврейской истории на территории Брестчины датируют 14 веком, а если быть более точным 1380 год, когда Князь Витовт выдает привилей, дающий право евреям поселиться в Бресте. Это был характерный для ашкеназов документ, по сути это была копия более ранних актов данных монархами восточноевропейских государств евреям [18, s. 188]. Однако, на сегодняшний день, у ряда исследователей вызывает сомнения реальное существование данного привилея и ему подобных. Так что точная датировка начала еврейского присутствия на этих землях еще предстоит быть установленной [10, с. 20].

Евреи - ашкеназы на новых территориях основывая свои общины, закладывали синагоги и кладбища. Кладбища имели различные названия как среди евреев (בית עולם – bejt olam – «дом света» или «дом вечности», בית חיים – bejt chajim – «дом жизни», תרבות בית – bejt kwarot – «дом гробов», בית אלמין – bejt almin – «дом вечности») [16, s. 27], так и у славян (kirkut – киркут, kierkow – кьерков, kierchol – кьерхол и др.) (Nowicki, 2009, s. 185).

В документах Государственного архива Брестской области (ГАБО) есть датировка начало функционирования ряда иудейских кладбищ региона. Так в Брестском повете наиболее крупными и старыми кладбищами

называют некрополь в Бресте-над-Бугом, заложенный после уничтожения старого в ходе строительства Брестской крепости, в 1835 году, в Камень-Литовском – 1520-е - 1530-е годы, в Высоком - 1899 год [13, л. 10-22]. В Столинском повете: в 1726 г. основано кладбище в Столине, в Давид-Городке - начало 18 ст., еще одно кладбище – глинное заложенное в 1658 и некрополь около местечка Городное - в ноябре 1900 г. [1, С. 279-280]. В Пинском повете Полесского воеводства в 1926 году насчитывалось 10 еврейских кладбищ три из которых находились непосредственно в самом Пинске. Еврейскими кладбищами являлись следующие некрополи Пинска:

1) некрополь при улицах Лахижинской и Еврейской площадью в 1,3 га из которых 0,35 га неиспользовано. На данном кладбище находилось свыше 2500 захоронений.

2) кладбище на пересечении улиц Вишнеедского и Теодоровской. Данное кладбище как и предыдущее было огорожено и на ней имелась постройка – «дом мертвых». Всего же на площади 3,5 га из которых 0,8 га было не использовано располагались захоронения более 3000 евреев.

3) При улицах Завальной и Листовского располагался третий еврейский некрополь в городе, площадью в 1 га и с 1500 захоронений.

Остальные 7 еврейских кладбищ в Пинском повете располагались в следующих местечках:

- Судча, гмина Кухочка-воля
- Погост-Загородский – Погост-Загородская гмина
- Серники, гмина Вечевки
- Лахижен, Лахиженская гмина
- Пниева, гмина Ухруничи
- И в местечках Любненов и Гыр [11, л 2 – 23об].

В основном кладбища, сохранившиеся до сегодняшнего дня, были заложены в 19 веке, когда по российскому законодательству было установлено производить захоронения в 100 сажах от населенного пункта [4, С. 235], то есть прежде многие из перечисленных некрополей не находились в черте города. Кладбище находилось в собственности еврейской общины, которая перекладывала свои обязанности на погребальные братства [9, с 89]. Однако, существуют документальные подтверждения того, что были часты случаи, когда члены братства использовали свои полномочия с целью получения финансовой выгоды. Такой случай имел место и в Пинске в 1926 году, и лишь вмешательство со стороны администрации повета

смогло урегулировать ситуацию [4, л. 3 об]. Однако в большинстве случаев члены братства исправно выполняли возложенную на них функцию по поддержанию кладбища, так как данная обязанность являлась почетной.

Основывая новое кладбище, что также входило в ведение погребального братства, придерживались следующих правил: 1) если некрополь будет расположен на холме, то хоронить начнут сверху и постепенно спускаться к основанию, 2) если место выбрано возле водоема, то начинали от воды; 3) ряды кладбищ ориентировали с юга на север. А надгробные камни ставили надписью на восток, именно там, где по поветриям евреев находился Эрц Израэль [8]. Особенно щепетильно подходили к вопросу соблюдению религиозной чистоты, предписанной Галахой. Мертвое тело считалось главным источником всего нечистого. И поэтому кладбище стремились расположить в некоторой отдаленности от домов или, если это не удавалось, отгородить место захоронения стеной или рвом [2, с. 208]. Это постепенно трансформировалось в восприятие кладбища как «места, куда не ходят» без крайней необходимости. Хотя религиозные правила лишь предписывают непосещение кладбищ в темное время суток и в субботу [5, с 135-140].

Брестская область является уникальным регионом для Беларуси, так как является территорией, как минимум, с двумя ареалами распространения разных видов кладбищ. Главным критерием выделения этих ареалов служит материал для надгробий. Беларусь, наряду с Прибалтикой и районами северной Польши являются местами, где основным материалом для надгробия служит манерный камень-валун. Такая же тенденция просматривается в северных районах Брестской области. Однако на юге Брестчины мы можем найти совсем иной материал для изготовления подавляющей части надгробий, а именно песчаник и известняк, что характерно преимущественно для Украины. Еще двумя традиционными для всей Беларуси материалами для еврейских надгробий называются дерево и металл [7, с. 80-81]. Однако, если первый из названных материалов в силу своей недолговечности практически не сохранился до наших дней, то металл использовался очень редко в изготовлении иудейских надгробий в отличие от христианских, где металл был очень популярен в 19 и в начале 20 веков. Сегодня достаточно трудно понять, как точно декорировались надгробия, было ли популярно раскрашивать их либо оставлять их монохромными. О присутствии остатков краски на надгробиях конца 19 начала 20 века в Люблинском воеводстве (Республика Польша) пишет Анджей

Трчински, изучая сохранившиеся надгробия и фотографии некрополей данного региона [19, s. 63-65]. Туже ситуацию мы наблюдаем и с кладбищами на территории Брестской области.

Стела не является единственным типом еврейского надгробия. Однако на сегодняшний день не существует точной топологии надгробных камней. Обычно называют три наиболее встречаемых типа надгробия (мацевы): **стела, саркофаг и охель** [16, s. 30-33].

Стела является наиболее распространенным типом мацевы в силу своей относительной дешевизны и экономичности. Экономичность проявляется как с точки зрения необходимо материала для изготовления памятника, так и с позиции занимаемого места на кладбище, где принято хоронить как можно плотнее в силу ограниченности земли отведенного под некрополь, что стало основанием для распространенного мифа о том, что евреев хоронят сидя. Обычно высота такого типа памятника составляет от 50 до 150 см, хотя встречаются стелы выходящие за эти показатели. Стелы не однообразны по своей форме, что позволяет нам выделить несколько ее видов. Самый часто встречаемый вид **одинокно стоящая плита**, одну или две стороны которой принято было отшлифовать перед выбивкой текста.¹ Одинокно стоящая стела многовариативна в зависимости от своей формы. Встречаются всевозможные формы: арочнообразные, прямоугольные, треугольные и многие другие которые могут встречаться единожды, и их форма будет зависима от внешних характеристик камня, ставшего основой для надгробия. Необычными в смысле формы стелы можно назвать, те, что изготовлены из бывших каменных жерновов. Зачастую такая форма распространена в районах, где в малых количествах есть камни-валуны, либо заказчик мацевы малообеспечен. Примером влияния христианской культуры, а именно католической, на выбор формы мацевы является надгробие в виде дерева с обрубленными ветвями. Существует и другие формы мацев, однако зачастую они представлены единичными образцами, что не позволяет говорить о них, как о самостоятельном виде.

Вторым типом мацевы является саркофаг. Который представляет собой приподнято над землей строение, где по боковым стенкам либо по

---

¹ Надо отметить, что существует два рельефных вида текста: впуклый, более экономичный и более простой по технологии изготовления, что очень важно для такого региона как Беларусь, где материал для надгробий очень сложен в обработке. Второй вид - выпуклый, который смотрится более высокохудожественно, но требует больших затрат и определенный вид камня, такой как песчаник, известняк, гранит и мрамор.

крышке идет текст и надгробные изображения либо орнамент. Иногда задняя, западная стенка намерено завышена, с целью выноса на нее текста [2, с. 217]. Последним, наиболее сложным с технической точки зрения видом надгробия (мацевы) является охель, что переводится с иврита как «шатер». Основным отличием от саркофага является то, что охель в нутрии полый. Обычно их возводили в память о великих праведниках, цадиках с целью дальнейшего использования охеля как места проведения религиозных обрядов и паломничеств. Достаточно простое в архитектурном смысле здание возводили над одним или несколькими захоронениями. Декоративные элементы зачастую отсутствуют, лишь иногда присутствует надпись содержащая информацию о покойном [16, s. 32]. На сохранившихся фотографиях брестского еврейского кладбища сделанных в 1915 году видны наличие охелей, пока что не известны кому они были просвещенны. Фундаменты трех охелей на сегодняшний день сохранились в Кобрине. Необычным видом охеля для Восточной Европы, являются широко распространенные на данной территории немонументальные строения шатрового типа, которые благодаря своему внешнему виду в народе получили названия «домики» или «хатки». Зачастую это строения с двухскатной крышей не высокое и главной отличительной особенностью, которых является то, что они сооружены из дерева. Описание Такого вида охеля можно встретить в работе М. Краевской, она говорит, что их можно было встретить на кладбищах Кобрина, Пинска и Столина [16, s. 32].

Использование песчаника и известняка как основного материала для изготовления надгробий, дало возможность использовать новые приемы и технологии в создании надгробия, что в целом сделало их более эстетичными. Этот факт качественно отличает некрополи юга Брестской области от остальной Беларуси, где надгробное изображение было скорее исключением, чем нормой. Семантика изображений, как и развитие эпитафного искусства наиболее изучены и систематизированы в научной литературе.² Традиционное еврейское надгробное искусство может быть определено как необразное, т.е. то, в котором нет изображения человека, это прямое исполнения предписания Библии: "Не делай себе кумира и никакого изображения и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу или то, что он находится в воде ниже земли..." [Исход 20,4.]. Это

---

² Этим вопросам посвящена целая серия публикаций и монографий таких специалистов эпитафного искусства и надгробных изображений как Б. Хамович, Е. Котляр, М. Носоновский, М. Краевская, А. Трижинский и др.

предписание поняли буквально и убрали полностью человеческое изображение, заменив его частью тела, например ладонями либо символическими образами. Наиболее популярными надгробным изображением на территории Брестчины, как и в других частях Восточной Европы являются: растительные, зооморфные (лев, олень, медведь, птицы и др.), а так же символы иудаизма и учености (такие как **Маген Давид**, минора, свиток торы, руки Когена, книга и др.) [12]. Одним из символов иудаизма и еврейства в надгробном искусстве является Маген Давид, который берет свои истоки в библейских историях о царях Давиде и Соломоне. Начиная со средневековых времен звезда Давида становится символом еврейского народа и приобретает практически тоже значение, что и крест у христиан. В 19 веке Маген Давид становится знаменем сионистского движения. Звезду Давида на надгробиях помещали с целью демонстрации уважения и почитания усопшим еврейской историей. Этот символ сохранился на сегодняшний день, хотя надгробия в основном утратили как прежнее функцию, так и свой традиционный вид. Зачастую в звезду вписывают акроним вступительной формы эпитафии «Э» [17, s. 50].

Вторым символом иудаизма на надгробных изображениях является образ меноры, который в подавляющем большинстве выбивали на надгробиях девушек и женщин [3].

Свиток Торы и книга. Тора символизирует обученность и благочестие. Ее часто изображают свернутой в рулик и помещенной в открытом шкафу - так же, как она хранится в синагогах. Книга в соответствии с универсальной символикой означающая благочестие, правду, обученность, мудрость, вера в истинность Библии, и усердность в изучению Торы и Талмуда. Открытая книга может символизировать незаконченность постижения знаний рано ушедшим из жизни, например не окончивший обучения юноша [15, s. 107–109].

Корона - это символ достоинства и добродетели умершего, так же символ Торы, в том числе религиозной грамотности, науки и благочестия.

Руки в благословении означает место захоронения священников коэнов. Дословный перевод слова «коэн» на русский язык - священник. У евреев коэны ведут свою родословную от Арона, по мужской линии. Символ копирует жест рук использованный коэнами в синагоге для благословения пришедших. Как продолжением символов означающих место покоя прислужников храма выступает образ **чаши и кувшина**. Этот символ обозначает, что здесь похоронен человек, который был левитом, т.е.

потомок семьи Левия. Они были ответственны за омовение рук перед благословением Коэна.

Рука подающая милостыню - подчеркивает щедрость покойного. Благотворительность в иудаизме считается высшей добродетелью. Согласно Талмуду необходимо выделить 1/10 часть своего дохода на благотворительность. Еще одним истолкованием данного символа может служить то, что покойный был казначеем или занимался сбором денег на социальные цели [15, s. 107–109].

Из зооморфных символов наиболее встречаемый является образ Льва-символ племени Иуды. Он также может символизировать имя умершего: Иегуда Лейб, Арье. Кроме того символ льва говорит о силе умершего часто сравниваемую с силой создателя. Вторым по частоте использования анималистическим образом на надгробиях является **Олень**.

Орел - это символ силы мужество, любовь и забота Бога над народом Израиля. В синагогах и на объектах поклонения, он разводит крылья над короной Торы, книгой или скрижалями Завета. Орел является также символом высоты и безопасности [12].

Наряду с реально существующими животными и птицами на надгробиях встречаются изображения сверхъестественных существ, таких как **левиафан, единорог, дракон и грифон**. Скорее всего, эти образы были взяты евреями у народов Ближнего Востока и Месопотамии, однако отвергать и влияние европейской культуры на появления этих символов в иудейской культуре. [15, s. 55–58]

Все вышеназванные зооморфные символы могут быть также и визуальным воплощением имени покойного. Так, например лев символизирует имена Лейб, Арье, Иегуда. Олень, соответствует Хиршу (идиш), Цви (иврит.) и Нафтали. Медведь – Беру (идиш) и имени Дов (иврит.). В дополнение к уже упомянутым можно перечислить следующие пары: мышь - Майзель, гусь – Ганс, рыба – Карпелис, лис – Фукс [14, s. 46; 17, s. 56].

Из растительных символов наиболее встречаемый на надгробиях является образ **Сломанного дерева**. Это является признаком внезапно прерванной жизни, в отличие от дерева несломленного, которое означает жизнь и воскресение.¹ Есть несколько других значений несломленного древа. Во-первых, Древо Жизни - символизирует дар бессмертия. Во-вто-

---

¹ Существуют и другие символические обозначения смерти: тонущий корабль со сломленной мачтой, орел или лев, убивающий ягненка, стадо овец без пастуха и др. Все эти символы говорят о горе и тяжести потери (Хамович, 1994).

рых, Древо познания Добра и Зла - символизирует моральное самопознание и самоопределение. Дерево с фруктами может свидетельствовать о плодотворной и богатой жизни умершего. Но в основном, растительные символы используются в орнаментах на надгробиях. Как семантика отдельных изображений, так и сами изображения очень разнообразны, это разнообразие является следствием проживания евреев в разных регионах, где они могли заимствовать новые символы. Так же выбор той или иной семантики или изображения мог стать следствием субъективного мышления мастера или заказчика надгробия [17, s. 40].

Как уже было сказано надгробное изображение на надгробиях в Беларуси может не встречаться, но в независимости от того, какой материал используют для изготовления памятника или кем был при жизни умерший, всегда присутствует текст эпитафии. Эпитафия является наиболее важным элементом надгробного камня. Языком для написания текста является иврит, но в силу его многолетнего не развития для написания появившихся с библейских времен имен, географических мест и понятий использовали идиш. Так же для вставки небиблейских религиозных текстов использовали арамейский язык. Зачастую эпитафия – это 4–7 строчный текст, очень простой и лаконичный, содержит лишь информацию об умершем без различных эвлогий или поэтических вставок [2, с. 221]. Текст надгробной надписи очень регламентирован и всегда содержит ряд необходимых элементов. Исследователи называют разное количество структурных частей в эпитафии. Так исследователь М. Носоновский говорит о четырехчастной эпитафии (вступительная формула, имя умершего, дата смерти и заключительная эвлогия) [8]. Такие исследователи как М. Васильев, К. Иванска выделяют в эпитафии 5 частей: вступительная формула, имя умершего, имя отца, дата смерти, заключительная формула [2, с. 221]. Надо отметить, что речь идет о эпитафиях конца 18- начала 20 вв., до этого периода практически повсеместно отсутствовала заключительная формула.

Вступительная формула практически всегда присутствует и обозначается акронимом **פֿ'ן נִיבָר**, который образовывается от фраз **הָפֿ'ן נִיבָר** [po nikbar] – здесь похоронен, **הָפֿ'ן נִיטמָן** [po nitman] – здесь сокрыт, **הָפֿ'ן נִיגָנָז** [po nignaz] – здесь сохранился [16, s. 34]. Далее следует имя покойного в официальной форме, которое могут записать в виде аббревиатуры. Происхождение имен евреев живших на территории Брестской области, с одной стороны соответствует еврейской традиции, а с другой стали следствием влияния

христианской среды, в которой проживали ашкеназы. Местные евреи носили как библейские, так и пост-библейские имена, взятые из других языков (например: имя Александр). Так же они могли быть производными от имен известных талмудических и средневековых ученых. В именах видится присутствие немецкого и славянских языков и др. в основном в произносительной традиции. Это привело к появлению множества произносительных и написательных традиций библейских имен. Так разными произносительными формами имени Элеазра являются Лазарь, Лацар, Лазаря [15, s. 101–102]. Также имя усопшего это наиболее вариативная часть эпитафии и в нее может входить множество благопожеланий, библиографических сведений (место рождения, вид деятельности, образование и др.), уважительных обращений и эвлогий [2, с. 222]. После имени умершего пишется имя отца, которое долгое время являлось почти единственным свидетельством, говорящим о генеалогии усопшего до появления фамилии на надгробиях в конце 19 века (Носоновский, 2008). Однако надо отметить, что и ранее, но в более редких случаях могли записать фамилию почитаемого человека или представителя знатного рода такие как חַהֲכֹהֵן - ха-Коэн (коэн), קֹהֵן טָדִיק (קָדֵשׁ) [kohen tsadik (kats)] – праведный коэн, יוֹלֵה [halevi] - ха-Леви (левит), לֵוִי (לֵוִי) [segal (sgan levi)]- Сегаль, потомок Леви. Написание фамилий так и не стало обязательным пунктом в создании эпитафии [16, s. 34].

Дата смерти, указываемая по иудейскому календарю, записывается не цифрами, а буквами еврейского алфавита в цифровом их значении (гематрии). В таком случае все цифры более 400 обозначаемой еврейской буквой «ל» необходимо записывать двумя и более буквами. ק"ל (לִפְרַת קָטָן) [lifrat katan] – по малому летоисчислению традиционный еврейский способ обозначения даты от сотворения мира, при котором не указывают тысячелетие. Также мог быть другой способ написания года смерти: טרפל (לִפְרַת גָּדוֹל) [lifrat gadol]- по большому летоисчислению, где сохраняется тысячелетие при записи года смерти. Чтобы перевести дату из еврейского календаря в григорианский, нужно прибавить к еврейской дате (без учета тысячелетия) 1240 (с 1 января по 29 элула (примерно сентябрь)) или 1239 (с 1 тишрея (начало нового года) по 31 декабря). Число смерти может обозначаться как днем месяца, так и праздничной датой, если смерть совпала с ней или произошла незадолго накануне или после праздника. Перед датой смерти следует слово רִטְפוֹ (נִפְתָּ) [niftar]- скончался [15, s. 103]. Заключительная формула- эвлогия записывается акронимом ה'ב'צ'נ'ל обра-

зованного от יהיה נפש/נשפן הרורצ [tihje nafsho/nafsha tsrura bitsror hakhaim] – да будет душа его завязана в узле жизни. Даная формула взята из традиционной поминальной молитвы **Йизкор** [8].

Еврейские кладбища Брестской области являются традиционными для Восточной Европы, однако, для Беларуси этот регион является не характерным. Данная территория лежит на стыке как разных христианских культур (белорусской, польской, русской и украинской), так и еврейской с этнолингвистической (Литваки, украинский и центральный диалекты Идиш) и религиозной (меснагдим и хасидизм) точек зрения, что делает этот регион ареалом расположения разных по своим внешним признакам кладбищ. Это позволит более детально выявить причину (географическую, этнолингвистическую или религиозную) появления тех или иных особенностей в еврейском погребальном искусстве при комплексном изучении некрополей области. Сегодня можно выделить как минимум два региона: северный и южный, где расположены разные по своим характеристикам кладбища. Северный регион (Пружанский, Ивацевичский, Барановичский и др. районы) имеющий те же самые качественные характеристики (а именно материал для надгробия), что и большее число белорусских еврейских кладбищ: в подавляющем случае использовали, как материала для надгробий, моренный камень-валун, лаконичность текста эпитафии, впуклый способ выбивки надписи, практическое отсутствие надгробных изображений. Южный регион (Брестский, Кобринский, Пинский, Столинский и др. районы) особенностью которого является: использование песчаника и известняка, как материала для надгробий и как следствие более высокий уровень мастерства изготовления надгробия; полная/завершенная в композиционном плане мацева, то есть на которой есть как эпитафия, так и надгробное изображение. Более чем вероятно, что в зависимости от региона особенности проявляются в лингвистической составляющей эпитафии и в семантике надгробных изображений, однако это предстоит еще выяснить в ходе дальнейшего комплексного исследования данного вопроса.

1. Вабішчэвіч, А.М., Да пытання стану могілак на Століншчыне ў міжваенны час / А.М. Вабішчэвіч // ARCHE Пачатак – Мінск: “Гайсак”, 2014. – №7–8: Заходняя Беларусь. Міжваенны перыяд. – С. 368–380.

2. Васильев, М.Е., Старое еврейское кладбище города Биржай / М.Е. Васильев // Евреи на карте Литвы: Биржай. Проблемы сохранения еврейского наследия и исторической памяти / Отв. ред. И. Капченова. – М, 2015. – С. 207–235.

3. Гальцман, А. Изобразительные мативы на еврейских надгробиях Восточной Ев-

ропы (минора и символика света) / А. Гальцман [Электронный ресурс] . – Режим доступа: <http://www.lu.lv/materiali/studiju-centri/jsc/resursi/171-188.pdf>. – Дата доступа: 09.02.2015.

4. Грунтов, С. Кладбище в аренду: место погребения в иудео-христианских стереотипах в Белоруссии в 19 в. / С. Грунтов // *Круг жизни в славянской и еврейской культурной традиции* / Отв. ред. О.В. Белова. – М., 2014. – С. 234–244

5. Дымщиц, В. Еврейское кладбище: место, куда не ходят / В. Дымщиц // *Штетл*, 21 век: Полевые исследования / Сост. В.А. Дымщиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова – СПб.: Издательство Европейского университета в СПб, 2008. – С. 135–159.

6. Заявление жителей города Пинска и переписка с пинским старостом об установлении наблюдения над похоронами на еврейском кладбище // *Государственный Архив Брестской Области (далее ГАБО)*. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2277. – Л. 10.

7. Муратов, И. Еврейская надгробная эпитафика Беларуси. Еврейское кладбище в Друе / И. Муратов // *Тирош – труды по иудаике*. Вып. 9. М. – С. 78–104.

8. Носоновский, М. Старинные еврейские кладбища Украины: история, памятники, эпитафии [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://library.eajc.org/page70/news13435>. – Дата доступа: 13.02.2015.

9. Пашковіч, А. І. Дзейнасць дбрачыйных аргаізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921-1939 гг.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.І. Пашковіч; Беларус. Дзярж. Ун-т. – Мінск, 2007. – 158 л.

10. Росман, М. Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы / М. Росман // *Тель-Авив: Из-во израильского открытого университета*, – 1995. Ч.1: Еврейские общины Польши: географические и демографические факторы, правовой статус. – 96 с.

11. Список кладбищ Пинского повета за 1926 год // *ГАБО*. – Ф. 2001. – Оп. 4. – Д. 2632а. – Л. 32.

12. Хаймович, Б. Резной декор еврейских надгробий Украины / Б. Хаймович // *История евреев на Украине и в Белоруссии. Экспедиции. Памятники. Находки* : Сб. науч. трудов / сост. В. М. Лукин, Б. Н. Хаймович, В. А. Дымщиц; отв. ред. В. А. Дымщиц. СПб.: б.и., 1994.

13. Циркуляры Брестского поветового старосты о содержании кладбищ, сведения о их заложении и списки их. // *ГАБО*. – Ф. 2. – Оп.1. – Д. 2323. – Л. 29.

14. Bartczak, N. Cmentarz żydowski w Wińsku, pow. Wołów / N. Bartczak. – Poznań: Instytut Prahistorii Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. – 2014. – 78 s.

15. Iwańska, K. Cmentarz żydowski w Wadowicach / K. Iwańska // *WADOVIANA*. – Wadowica, 2005. – nr 9: Numer Monograficzny Wadowiccy Żydzi. – S. 89 – 114.

16. Krajewska, M. Cmentarze żydowskie w Polsce: nagrobki i epitafia / M. Kraewska // *Polska Sztuka Ludowa* - Wrocław, 1989. – nr 1–2. – S. 27–45.

17. Krajewska, M., Symbolika płaskorzeźb na cmentarzach żydowskich w Polsce / M. Kraewska // *Polska Sztuka Ludowa* - Wrocław, 1989. – nr 1–2. – S. 45–60.

18. Nowicki, P. Materiały do dziejów cmentarza Żydowskiego w Izbicy Kujawskiej (do 1942 r.) / P. Nowicki // *Zapiski Kujawsko-Dobrzyńskie*. – Włocławek, 2009. – T. 24: Kujawy wschodnie i ziemia dobrzyńska w okresie dwudziestolecia międzywojennego 1918–1939. – S. 185–199.

19. Trzciński, A. Polichromia nagrobków na cmentarzach żydowskich w Polsce południowo-wschodniej / A. Trzciński // *Polska Sztuka Ludowa* - Wrocław, 1989. – nr 1–2. – S. 63–65.